

Сов. Россия - 1988 - 18 нояб.

Геннадий ХАЗАНОВ:

БУТСЫ ДЛЯ САТИРЫ

Нет никакого парадокса в том, что театр под названием «Моно» — один из самых молодых в столице — имеет поклонников с многолетним стажем. Это и понятно: ведь его художественный руководитель и единственный исполнитель — популярный артист эстрады Геннадий Хазанов.

Отправляясь на встречу с известным мастером сатирического цеха корреспондент ТАСС, как и полагается, подготовила ряд вопросов, касающихся прежде всего его работы в новом амплуа, творческих планов, а уж в конце собралась спросить о его человеческих пристрастиях. Но жизнь, как говорится, внесла свои коррективы.

— Мое страстное увлечение — баскетбол, — сразу признался артист и тут же шутливо добавил: — Сами понимаете, что с моим ростом и физическими данными это для меня самая что ни на есть родная игра. Ну а если серьезно, то очень ограничен во времени: непременно должен поехать в Шереметьево, чтобы проводить заслуженного тренера СССР А. Гомельского. Это он привел наших баскетболистов к победе на Играх XXIV Олимпиады и теперь приглашен работать с клубом «Санта-Крус-де-Тенерифе» на Канарских островах. Так что хочу попроситься с близким и дорогим мне человеком.

До отъезда в аэропорт оставалось около двух часов, и наша беседа все же состоялась.

— Геннадий Викторович, свою творческую биографию вы начинали в годы, которые сегодня именуют «застойными». Представители административно-командной системы всех рангов дружно пытались зажать рот сатире, выхолостить ее, сделать беззубой. И все-таки она оказалась неистребимой. Как вам работало в тот нелегкий период?

— Я всегда вспоминаю рассказ о том, как аргентинский футболист, игравший в конце своей карьеры в Италии, выходя на тренировки, надевал пятикилограммовые бутсы, — как бы продолжая «спортивную тему», говорит артист. — Тренируясь только в такой тяжелой обуви, он сумел значительно увеличить силу удара, что во время игры принесло свой положительный результат. Так вот, сложности застойного времени, как это ни странно звучит, тоже давали свой положительный эффект, спо-

собствуя профессиональному и человеческому становлению представителей сатирического искусства. К тому же, кроме тех, кто создавал дополнительные препоны, всегда находились люди, которые в этой трудной ситуации вели себя достойно и делали все от них зависящее, чтобы тот или иной материал увидел свет.

Потом в эти же годы благодаря научно-технической революции и большому количеству магнитофонов произведение начинали жить своей независимой жизнью. Если говорить об официальном статусе жанра, то, конечно, он испытывал огромные ущемления. А если вспомнить, что на самом деле происходило с сатирическим искусством, то тот, кто ему был по-настоящему предан, занимался им всегда, и в застойные годы тоже. Здесь можно назвать конкретные фамилии. Прежде всего Райкин, Жванецкий, Карцев, Ильченко. Список не такой уж длинный. Хотелось бы прибавить к нему имена писателей Альтова, Горина, Городинского, Измайлова, Мишина, Хайта. Каждый в меру таланта честно служил избранному жанру.

И вот прошло уже три года после снятия барьеров, а я что-то не вижу, чтобы появилось много новых одаренных авторов. И даже те, кого я перечислил, переживают творческие сложности. Исключаю сейчас из этого списка набравшего большую популярность Михаила Задорнова. Отказаться ему в спешности нельзя, но что касается создания глубоких, серьезных произведений, то и он, видимо, испытывает определенные трудности. Хотя в отличие от многих своих коллег довольно свободно ориентируется в нынешней ситуации.

— Получается, что «застой» был золотой порой для сатиры. Борьба с запретами помогала ей поддерживать «спортивную форму». А сегодня, когда закрытых тем практически не осталось и любой номер газеты содержит куда больше острой, бескомпромиссной критики, чем самая смелая эстрадная программа, сатира, похоже, переживает кризис жанра?

— Конечно, элементы кризиса есть. Однако я не стал бы упрекать в этом журналистику, называя ее нежелательным конкурентом сатиры. Согласитесь, ведь газетная статья все же обязана давать такой ракурс, чтобы читатели смеялись до упаду,

когда сообщается в ней о чудовищных злоупотреблениях, ужасающих фактах. Для этого существует человек, владеющий жанром смешного. Именно он должен уметь высмеять негативные явления. Ибо, как писал Гоголь, то, что осмеяно, перестает быть таким страшным.

Причины кризиса нашего жанра видятся прежде всего в том, что писатели-сатирики (не все, конечно), получив по линии кооперации возможность прямого выхода на сцену, практически все свое рабочее время посвящают концертным выступлениям. А значит, для артистов-исполнителей уменьшился приток литературного материала. Однако я не могу упрекать авторов. Давайте посмотрим правде в глаза. Государственная расценка за миниатюру не должна превышать 200 рублей. Зачем же автору этим заниматься, если оплата у кооператоров сильно превышает эту цифру? Какой смысл писать, когда можно встать перед микрофоном и прочесть старое? Вы спросите: как же творчество? Так людей, которые пишут оттого, что жить без этого не могут, — всегда были единицы. И не только признанные классики. Есть и на нашей памяти примеры. Жванецкий, скажем, долгие годы писал миниатюры вне зависимости от размера гонораров, которых, кстати, иногда и вовсе не получал. Правда, теперь и он частенько выходит на сцену. Но, думаю, этот автор так много сочинил, что и артистам хватило бы. Впрочем, не мне об этом судить, со Жванецким-писателем я никогда не сотрудничал.

— А хотели бы?

— Я так скажу: если бы хотел, то сотрудничал бы. Я не видел ни одного артиста, который хотел бы исполнять произведения Жванецкого, а тот наотрез отказал бы. Причина в другом. Мне кажется, то, с чем этот писатель выступает сейчас перед зрителями, настолько органично для него самого, что другому вряд ли удалось бы сделать так же, а тем более лучше. Хотя, может быть, и стоило попробовать. Не знаю.

— Кого же вы считаете своими авторами?

— Я их уже называл, по их произведениям созданы те два спектакля — «Избранное» и «Масенькие трагедии», что составляют репертуар театра «Моно». Правда,

теперь я частенько вынужден заниматься поиском материала, отнюдь не сегодняшнего, работать с литературой непрямого эстрадного назначения. Именно такой спектакль сейчас репетируется. Он, очевидно, будет называться «Постскриптум к «Вишневному саду». Постановка рассчитана на малую сцену какого-либо драматического театра (куда пустят), и осуществляет ее режиссер Роман Виктюк. Спектакль построен на рассказах Пантелеймона Романова, очень самобытного писателя, продолжателя чеховских традиций. Через 50 лет после своей гибели он наконец получил законное право на жизнь. Счастливы еще и тем, что впервые буду играть без микрофона. Это максимум, что я могу рассказать о будущей премьере.

— Судя по всему, вам хорошо работается в своем театре?

— Да, это то, о чем мечтал. Во-первых, полная экономическая независимость, во-вторых, абсолютное отсутствие творческих интриг, никто не может жаловаться, что обделен ролью. Ведь в театре только один актер — это я сам. Кстати, он не называется «Театр Хазанова». Потому, если завтра я вдруг почувствую, что исчерпал себя, и решу сменить профессию, то мое место может занять другой артист. И тогда родится иной творческий организм. Это нормально. Так и должно быть.

Никогда не забуду печальную историю, что произошла на моих глазах с оркестром Утесова. Когда я пришел туда работать в качестве конферансье (был и такой период в моем творчестве), коллектив переживал время заката. Сам Леонид Осипович на сцену уже не выходил, он считался художественным руководителем. А какой же, спрашивается, это оркестр Утесова без Утесова? Или, скажем, был театр Аркадия Райкина. Не стало этого великого артиста, не стало и его «Сатирикона». Нет, театр с таким названием существует, только без Аркадия Исааковича это уже совсем другой театр.

— Безусловно, признанным лидером нашей эстрады многие десятилетия был А. Райкин, творчество которого явилось целой эпохой в истории развития советского искусства да и всей нашей общественной жизни. Сегодня эстрада не имеет такого правопланового. Кто из мастеров сатирического цеха вам интересен, близок по на-

правленности творческого поиска?

— Аркадий Райкин в этом смысле стоит особняком. Хотите спросить, кто еще в этом особняке поселился? Я сегодня таких не знаю. Что же касается моих коллег по сатирическому цеху, то артист, существующий в железных границах нашего жанра, даже если это я сам, мне тоже не интересен. Сейчас надо смелее искать, экспериментировать, не бояться выйти за рамки собственного амплуа. Только так можно сократить зазор, образовавшийся между эстрадой и зрительным залом.

— Какой вам представляется идеальная модель эстрадного театра?

— Ее не существует. Поянню почему. Нельзя, например, заставить человека, не любящего балет, идти на балетный спектакль, а человека, не признающего симфонической музыки, заманить на симфонический концерт. Там есть четкая градация. Эстрада же жанр демократический. Смеяться, как и дышать, хотя бы практически все живущие на земле. В том-то и состоит особая сложность профессии артиста-сатирика, которому постоянно приходится искать некое среднее арифметическое смешного.

Хазанову находить его удается. В представлении зрителей он не отделит от шутки, гротеска, каскада эксцентрических эскапад. Говорят, он и в жизни человек веселый. Наверное, так оно и есть. Однако мне в этом убедиться не пришлось: на протяжении почти двухчасовой беседы я видела перед собой серьезные, чуть грустные глаза человека, избравшего для себя сложный путь — постоянно преодолевать трудности «легкого» жанра.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно важное событие. На днях опубликован Указ о присвоении Г. Хазанову звания заслуженного артиста РСФСР. «Давно пора», — скажут многие. И радостно от того, что в данном случае народное признание значительно опередило официальную оценку заслуг одного из ведущих мастеров советской эстрады.

О. СВИСТУНОВА.

Москва.